

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

История греческой литературы под редакцией С. И. Соловьевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского, т. II., М., Изд-во АН СССР, 1955, 309 стр., тираж 10000 экз., цена 11 р. 70 к.

После долгих ожиданий вышел в свет второй том «Истории греческой литературы», подготовленный коллективом сотрудников Института мировой литературы. Первый том, вышедший около десяти лет назад, включает в себя поэзию гомеровского и классического периодов, заканчиваясь главами о древнеаттической комедии и драматургии Аристофана.

Вся прозаическая литература классического периода отнесена в данный том, содержащий три больших раздела: I — «История» (начало греческой прозы, логографы, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, позднейшие историки); II — «Философия» (древнейшие философские школы, материалисты, пифагорейцы, элеаты, софисты, Сократ, Платон, Аристотель); III — «Ораторское искусство» (древнейшее греческое красноречие, первые афинские ораторы, Лисий, Исократ, Исаий, Демосфен и его современники).

Введение всех этих разделов как равноправных в научную историю древнегреческой литературы закономерно, так как оно соответствует представлению древних об этих предметах как принадлежащих к области художественного творчества. В то же время специфичность содержания этих разделов в какой-то мере оправдывает их выделение в особый том, которое, однако, как уже указывалось в рецензии на том I (ВДИ, 1947, № 2, стр. 73), влечет за собою нарушение исторического (хронологического) принципа изложения, не говоря уже о чисто технических затруднениях — необходимости повторений и др.

Мы вынуждены поэтому прежде всего остановиться на тех возражениях, которые вызывает план репринтируемого издания. Совершенно недостаточно внимания удалено в томе характеристике исторических условий, в которых происходило развитие греческой литературы. Так, социальным отношениям и культурным явлениям VI в. до н. э. удалено два небольших введения к разделам I и II, часто повторяющихся друг друга, но слишком общих и не дающих достаточного представления об условиях, в которых зародилась греческая проза и развивалась древнейшая греческая философия. Было бы целесообразнее объединить то и другое введение в общую характеристику этого исторического периода, более полную и развернутую.

Совсем лишены исторического введения разделы, посвященные Геродоту, Фукидиду и Ксенофонту. У читателя не возникает представления о рубежах между эпохами, в которые создавались труды трех крупнейших историков древней Греции. Место позднейших историков (гл. V) в историческом и культурном процессе никак не может быть определено тем, что отрывки их сочинений собраны в издании «*Fragmenta historicorum graecorum*». Непонятно, каким образом можно относить к «позднейшим историкам» современника Ксенофона Ктесия (§ 2), современника Фукидida Кратиппа (§ 3), Иона (§ 4), умершего ранее 421 г. до н. э., современника Перикла Стесимбрата (§ 5) и, наконец, всех аттиодографов (§ 14), древнейший из которых, Гелланик, современник Геродота, причисляется даже к логографам. Параграф «*Оксирионский историк*» (§ 6), поскольку автором охирионского сочинения призна-

ется Кратипп, было бы уместно объединить или дать рядом с разделом, посвященным этому последнему. При изложении истории греческого красноречия осталась неосвещенной, как и в предыдущих разделах, эпоха Лисия, Исократа и Демосфена.

В разделе II («Философия») не удалось избежать повторения материала, уже содержащегося в I томе. Разделы о Ксенофане и Эпихарме, которые в I томе фигурировали в качестве представителей лирики и драмы, а во II томе выступают как представители философской лирики и драматургии, почти не содержат нового материала. В обоих томах используются одни и те же цитаты: например, ксенофанов фрагмент об антропоморфизме с ссылкой на заметку Ленина в «Философских тетрадях» или же известное место из «Поэтики» Аристотеля (V, 14496). Неблагоприятное впечатление производят в одном и том же издании ничем не оговоренные расхождения в фактических данных. Например, в I томе даются годы жизни Эмпедокла 495—415 гг. до н. э., во II томе — 484—424 гг.; в I томе сказано, что философия Эмпедокла объединяет философию элеатов и пифагореизм, во II томе — философию представителя элейской школы Парменида и учение Гераклита; в I томе насчитывается 19 сохранившихся фрагментов Парменида (всего 162 стиха), во II томе — 155 отрывков и т. д. То же самое относится и к некоторым главам раздела «Ораторское искусство». Например, дается дата рождения Протагора 485 г. до н. э., в то время как на стр. 173 того же тома указан 481 г.

Во II томе рецензируемого издания, как и в I томе, читатель находит обширный и подробный материал, характеризующий творчество отдельных авторов, как правило, основанный на тщательном изучении первоисточников. Особенно радует, что в книге содержатся подробные разделы, посвященные древнейшей историографии и творчеству логографов, Гекатея, позднейшим греческим историкам и ораторам — современникам Демосфена. В прежних наших общих трудах по истории греческой литературы эти разделы отсутствовали. Поэтому вполне оправданы те подробности по источниковедению и биографической хронологии, которыми изобилует раздел о логографах, хотя подчас и представляется, что они были бы более уместны в подстрочных примечаниях, так как затрудняют связное восприятие.

К сожалению, часто, особенно в разделе I, имеется определенное несоответствие между подробнейшим рассмотрением хронологических и биографических вопросов, несомненно, очень важных и интересных, и тем вниманием, которое уделено историко-литературным проблемам. В этом отношении II том «Истории греческой литературы» невыгодно отличается от I тома, где затронуты, а подчас и подробно изложены многие важные литературоведческие и филологические проблемы. Кроме того, при отсутствии научно-библиографического аппарата, который отнесен в последующий, еще не вышедший III том, скучные ссылки на литературу не могут удовлетворить читателя, с полным основанием ожидающего от рецензируемого издания научной полноты. Споры, поднимавшиеся в русской и зарубежной классической филологии, как правило, не находят отражения (особенно это относится к разделам I и III), в тех же случаях, когда они мимоходом затрагиваются, большей частью остается неясным, к какой точке зрения склоняются авторы рецензируемой работы.

Мы подошли здесь к главному недостатку рецензируемого тома. Давно уже не нужно повторять, что история литературы не может быть описанием отдельных литературных фактов. Какой бы спецификой ни обладала история античной литературы, в отношении методологии исследования и изложения она ничем не должна отличаться от других разделов истории литературы; она должна восприниматься как одно из звеньев общего мирового историко-литературного процесса. Конкретно это означает не только установление связи с прошлыми и будущими этапами литературного развития, но и рассмотрение общих теоретических литературоведческих проблем на материале античной литературы: таковы вопросы литературного метода, стиля, развития жанров и связи с фольклором.

Одним из примеров того, как широко можно ставить литературоведческие проблемы в отношении произведений античной историографии, служит, на наш взгляд, монография о Геродоте С. Я. Лурье: связь сочинения Геродота с литературами и фольклором.

ром Востока, характерные особенности композиции и стиля «Истории» Геродота, использование им басни, анекдота и эротической новеллы, фольклорные мотивы и приемы, «эличность», влияние Гомера, афинской трагедии, риторики — все эти моменты характеризуют место Геродота в историко-литературном процессе, раскрывают его облик как художника.

В рецензируемой книге характеристика литературно-художественной стороны творчества Геродота уделено неоправданно мало места — всего треть § 4, носящего общий заголовок «История Геродота как исторический источник и как литературное произведение». Наличие подразделов, посвященных речам и диалогам (§ 5) и «эпизодам» (§ 7) в «Истории» Геродота, не искупает отсутствия цельной характеристики художественной формы его сочинения. Краткое изложение художественных особенностей сочинения Геродота почти не сопровождается примерами, новеллистические «эпизоды» просто перечисляются, а два-три примера метафор выбраны, по-видимому, случайно и не могут достаточно характеризовать особенности геродотовой метафоры. Подробно иллюстрируются только особенности речи историка и изучение ее приемов античными философами. Нельзя никак согласиться с тем, что в качестве основного критерия художественности при оценке произведений Геродота и Фукидса выдвигается «единство плана» (стр. 59, 68, 93); главные критерии художественной ценности литературного произведения (а именно таковыми и были произведения историков классической древности) — идеальное содержание, единство идеи и формы, система образов — остаются почти незатронутыми. Не связаны между собою в разделах о Геродоте и Фукидиде характеристики их мировоззрения и художественных приемов; нигде не видно, каким образом идеальное содержание их творчества влияло на художественную манеру, стиль, композицию, на то или иное освещение, на ту или иную подачу образов.

Разумеется, при оценке исторических произведений действуют, в первую очередь, такие критерии, как источниковедческая ценность данного сочинения, степень документальности используемого материала и т. д. Этим вопросам в томе уделено заслуженно много места. Но нельзя забывать, что перед нами — история литературы, авторы которой неизменно подчеркивают, что главная их задача заключается в освещении античной истории, философии и риторики в литературоведческом плане. Значительно меньше грешит против этой правильной установки глава, посвященная Ксенофонту, а также некоторые главы раздела «Философия».

Литературоведческую ценность рецензируемого тома снижает также частое отсутствие проекций в прошлое и будущее. Хорошо дан обзор литературной судьбы Геродота в античности и в византийскую эпоху, но он обрывается указанием на появление первого печатного издания Геродота в середине XVI в. Такой же очерк посвящен Фукидиду (гл. III, § 4), но вторая его половина — изложение оценки Фукидса в новое время — носит несколько аморфный характер: цитируются различные авторы, от Маркса до Грановского и В. Л. Пушкина, а идеологическая и научная основа того или иного отношения к Фукидиду остается неясной. В томе не прослеживается влияние «Киропедии» Ксенофона на развитие жанра историко-политического романа, не указано на связь эротической новеллы об Абрадате и Панфее с подобными новеллами более раннего времени, истоки которых следует искать в устном народном творчестве.

Перейдем к рассмотрению отдельных разделов рецензируемого тома.

Главы, посвященные Геродоту, Фукидиду и Ксенофонту, открываются биографиями. Биографические параграфы тщательно обработаны, насыщены обширными сведениями, сопоставляемыми между собой свидетельствами древних и филологическими замечаниями. К сожалению, не будучи связаны с характеристикой исторической эпохи, эти очерки не дают возможности проследить влияние современности на мировоззрение каждого из этих историков, их отношение к своему времени. В главе «Геродот» не освещены личные и политические связи историка с политическими и культурными деятелями Афин и с дельфийским жречеством — связи, которые сыграли решающую роль в формировании его мировоззрения и так или иначе отрази-

лись в его труде. Исключение составляет лишь подробный разбор существующего предположения о личной дружбе между Геродотом и Софоклом.

Не получили развития все эти моменты и в подразделе «Политические взгляды Геродота», чересчур коротком и недостаточно четком по постановке освещаемых в нем вопросов: указывая на предпочтение, оказываемое Геродотом афинской демократии, и его ненависть к тирании, автор неожиданно замечает: «впрочем, Геродот к отдельным тиранам относится благодушно». В качестве примера приводится его хорошее отношение к Артемисии, царице Галикарнасской, хотя это можно легко объяснить патриотическими чувствами Геродота. Отмечается, что Геродот не всегда выражал враждебное отношение к Спарте, но не делается попытки вскрыть причину этого различного отношения и т. д. Не совсем понятно также деление взглядов Геродота на «политические» и «мировоззрение»: первое относится ко второму, как частное к общему.

Автор отмечает сходство религиозно-этического мировоззрения Геродота с мировоззрением трагиков — Эсхила и Софокла: мораль всех троих, по его мнению, сводится к формуле $\mu\eta\delta\colon\vartheta\alpha\gamma$ («ничего через меру»), но ведь представление о «завистливом божестве» и « $\beta\beta\beta\tau\varsigma$ » Эсхила и Софокла неравнозначно: первый склоняется к точке зрения «справедливого воздаяния», у Софокла же и Геродота божество скорее стихийно-мстительно и коварно и мало руководствуется справедливостью и правдой. Социальные причины несомненного пессимизма Геродота автором не объяснены.

К достоинствам раздела о Геродоте принадлежат содержащиеся в нем подробные историко-филологические сведения относительно написания и рукописной традиции его исторического труда, четкий и достаточно развернутый обзор источников Геродота, подробное изложение темы, содержания и композиции «Истории», разбор сообщений Геродота о Скифии.

В главе «Фукидид» за обширной биографией историка следует подраздел, озаглавленный «Исторический труд Фукидida», в котором детально излагается содержание фукидидовой «Истории»; последнее вполне оправдано, поскольку труд Фукидida посвящен одному крупному событию — Пелопоннесской войне, и вместе с изложением содержания читатель воспринимает основной ход мысли Фукидida и общий план его сочинения. Далее излагаются сведения относительно времени и порядка составления «Истории» и ее издания.

Раздел о политических взглядах Фукидida, где автор отмечает, что «мы можем с полным правом считать его (Фукидida. — С. Ш.) политическим мыслителем», изложен значительно полнее и более четко, чем соответствующий раздел в главе о Геродоте. Отмечается дискуссионность вопроса о политических убеждениях Фукидida, но, к сожалению, не указано, кому принадлежит та или иная точка зрения и как решается этот вопрос в советской науке. Не упомянута интересная полемика на эту тему между Ф. Мищенко и В. Бузескулом. Было бы желательно здесь же разобрать вопрос об отношении Фукидida к Клеону и сравнить его с отношением к Клеону Аристофана; это было бы тем более интересно, что, как указывает автор раздела С. И. Соболевский, Фукидид испытал сильное влияние современной драмы. Вопрос о том, сказывается ли в отношении Фукидida к демагогам влияние аристофановской комедии или близость политических взглядов обоих авторов, представляет живой интерес для историка и литературоведа. Анализируя политические взгляды Фукидida, следовало бы также больше подчеркнуть разницу между Геродотом как современником расцвета афинской демократии и Фукидидом как современником ее кризиса. Принципиальное отличие между историческим методом Геродота и Фукидida хорошо показано в очень содержательном разделе о рационализме Фукидida. Здесь можно было бы привести мнение С. А. Жебелева, считавшего, что Фукидид при оценке исторических событий пользовался не столько рационалистическим методом, сколько сократовским принципом: реальное существование исторических событий следует из того воздействия, которое они оказывают¹.

¹ Фукидид, История, перевод Ф. Мищенка в переработке С. А. Жебелева, II, М., 1905, стр. XXII.

Глава о Ксенофонте написана в хорошем литературоведческом стиле, живым литературным языком, благодаря чему материал хорошо воспринимается. В соответствии с задачами данного издания наибольшее место уделено разбору «Киропедии», самого «литературного» из произведений Ксенофона. Все же нельзя не пожалеть о том, что слишком вскользь говорится об «Афинской политии». Правда, принадлежность ее Ксенофонту не без основания оспаривается, но вокруг этого сочинения возникает много интересных и до сих пор нераешенных проблем: оставшись неосвещенными в разделе о Ксенофонте, они таким образом «выпадают» из истории греческой литературы. Анализ политических взглядов Ксенофона (гл. III, § 3) дается на материале его сочинений, со многими примерами: по своему содержанию этот раздел должен был бы скорее называться «Социально-политические взгляды Ксенофона». В целом политические взгляды Ксенофона были бы очерчены еще рельефнее и точнее, если бы в этой главе, как и в большинстве других разделов, не отсутствовал обзор исторической эпохи, современной Ксенофонту. Отчетливее оказалась бы подчеркнутой мысль, что в «Киропедии» Ксенофонт выступает идеологом рабовладельческой монархии и в то же время дает социальную утопию, а его проповедь труда направлена не на то, чтобы сделать рабовладельцев производителями, а на их нравственно-физическое воспитание.

Сведения, сообщаемые в главе V («Позднейшие историки») основаны, как и вообще все главы, принадлежащие перу С. И. Соболевского, на тщательнейшем филологическом анализе античных свидетельств и заполняют, насколько это возможно, «белые пятна» античной историографии, представляя тем самым большой интерес.

В разделе II — «Философия» — более подробно освещен материал, которого частично доставало в наших общих курсах как философских, уделявших мало внимания литературной стороне творчества философов, так и литературных, в которых разделы по философии играли до некоторой степени подчиненную роль. К этому разделу относится упрек, уже сделанный нами всей книге в целом: развитие античной философии не предстает перед читателем как связный процесс, не вскрыты его социально-исторические корни. Кроме самого общего положения о том, что «развитие греческой философии в ее основных течениях отражало борьбу идеологий различных группировок древнегреческого рабовладельческого общества», в книге почти нет материала, характеризующего связь общественных и политических отношений с различными философскими течениями. Между тем, социально-исторический субстрат философии ранних материалистов и Платона, элеатов и Сократа совсем не одинаков. Несомненно, все эти философские течения развивались в рабовладельческом обществе, но развивались на протяжении трех столетий, каждое из которых характеризовалось новыми социально-экономическими, политическими и идеологическими явлениями.

В I томе рецензируемого издания совсем не представлен IV в. до н. э.; это следовало учесть, составляя план II тома. Следовало также уделить больше внимания литературным связям, связям с драматургией V и IV вв. до н. э. В разделе о Сократе можно было бы подробнее сказать о преломлении его образа в «Облаках» Аристофана: вопрос о соответствии аристофановской характеристики действительному облику Сократа и характеру его учения вызвал к жизни колossalную литературу, споры продолжаются и по сей день¹.

В разделе о софистах желательно было бы вспомнить об Эврипиде, которого древние нарекли «философом на сцене» и который у Аристофана выступает рядом с Сократом как главный разрушитель традиционных устоев.

Разделы «Милетская школа», «Гераклит Эфесский», «Пифагорейская школа», «Элейская школа», «Эмпедокл», «Анаксагор», «Атомисты» изложены в достаточном для рецензируемого издания объеме, цитируются многие фрагменты. Некоторая конспек-

¹ В новейшей буржуазной литературе дело доходит до полного отрицания значения комедии «Облака» как исторического свидетельства — см. ВДИ, 1956, № 1, стр. 111.

тивность раздела о таком сложном и противоречивом философском направлении, каким было течение софистов, а также части, посвященной Сократу, в какой-то мере оправдано, поскольку до нас не дошли их собственные сочинения; в то же время нельзя забывать, что эти идеологические течения явились определяющими для второй половины V в. до н. э. Читатель мог бы также с полным правом ожидать здесь краткого обзора позднейших откликов этих учений в основных философских течениях в средние века и новое время.

При определении сути софистики, на наш взгляд, сделан слишком большой упор на профессионализме как объединяющем начале этого течения. Следовало бы больше подчеркнуть общность гносеологии софистов: в этой области они все отличались частично от Сократа, отрицавшего релятивизм в вопросах самопознания и этики.

Весьма содержателен анализ литературно-стилевых приемов и эстетических взглядов Платона (гл. VII, § 3 и 4); некоторое недоумение вызывает лишь то обстоятельство, что авторы не сочли нужным коснуться отнюдь не утратившей своей актуальности разработки вопросов платоновской (а также аристотелевской) эстетики в сочинениях Н. Г. Чернышевского.

План главы VIII («Аристотель») не совсем понятен: наряду с разделами, посвященными отдельным произведениям, эта глава содержит специальный раздел «Литературные теории Аристотеля». Если здесь преследовалась цель дать четкий обзор сочинений Аристотеля, то этот принцип следовало провести во всей главе; если же, как можно догадаться, целью было сосредоточить внимание на аристотелевской теории литературы, ограничившись в остальном кратким обзором, то для остальных разделов лучше было дать деление по темам, а не по названиям отдельных сочинений. Вызывает недоумение следующая фраза на стр. 213: «Мы не можем входить здесь в подробности его (Аристотеля.— С. Ш.) учения в целом и даже детально исследовать его поэтику...». Где же, если не в таком фундаментальном курсе, входить в подробности литературно-эстетических взглядов Аристотеля?

При рассмотрении «Поэтики» авторы упустили из виду, что она является сочинением не только по теории, но и по истории литературы: в частности, в ней содержатся весьма важные сведения по истории комедии и трагедии, на которые опираются все современные теории происхождения античной драмы. При разборе вопроса о катарисе правильно подчеркнута связь теории катарсиса с взглядами Аристотеля на общественное значение искусства.

В начале раздела об ораторском искусстве отмечается, что история красноречия находится в тесной связи с политической и социальной историей Греции; показывается, что ранние зачатки ораторского искусства появляются еще в условиях родового строя и укрепляются в гомеровском обществе и что уже в этот период на характере искусства речи ясно сказывается влияние классового расслоения (Одиссей и Ферсит, II., II, 198 сл.); далее (\$2) развитие красноречия в Афинах связывается с укреплением демократического строя и усилением роли народного собрания, но в последующем изложении, как уже отмечалось, историческая почва почти полностью исчезает. Приводятся сообщения древних, характеризующие отдельные стороны ораторской деятельности Перикла и Клеона, но даже не упоминается, что у авторов древнеафинской комедии Перикл пользовался достаточно дурной славой и высмеивался почти не меньше, чем Клеон, хотя и с других позиций. Что касается этого последнего, то мы, действительно, располагаем отзывами о нем лишь его политических врагов. Но даже в них чувствуется, что впечатление, производимое его речами, было во всяком случае сильное; о том же свидетельствует влияние, которым Клеон, несомненно, пользовался в народном собрании.

В середине раздела «Биография Демосфена и его речи» неожиданно появляется краткий географический и исторический экскурс о Македонии. В то же время, говоря о Демосфене как о стороннике демократии и его борьбе против злоупотреблений, автор никак не характеризует афинскую демократию IV в. до н. э., так что у читателя может создаться представление, будто афинская демократия V и IV вв. до н. э.— это совершенно идентичные понятия. Останавливаясь в конце раздела на ораторах,

деятельность которых относится к IV и началу III в. до н. э., автор замечает, что при изменившихся в эту эпоху общественных условиях весь жанр ораторской речи начинает клониться к упадку, но чем конкретно обусловлены эти изменения — не раскрывает.

Раздел III имеет достаточно большой объем; подробно обрисована деятельность предшественников Демосфена — ораторов-софистов, итальянской школы риторов, ставшего из вошедших в пергамский «Канон десяти ораторов», но позднее несколько забытого оратора Антисфена, Андокида, Исократа, Исея, а также Демосфена и его наиболее известных современников (гл. X). Несколько разочаровывает параграф о Лисии: мы не находим в нем ни краткого изложения содержания хотя бы наиболее интересных из его речей, ни обрисовки их персонажей, хотя автор и указывает, что «главное достоинство речей Лисия... это эпопея»; изложение этого материала повлекло бы за собою характеристику современного Лисию быта, без чего трудно оценить и понять его речи. Вряд ли также следовало отрывать характеристику политических взглядов Демосфена (гл. X, § 16) от изложения содержания его речей, пафосом которых является проводимая Демосфеном политика.

На стр. 283 обронено замечание, что «Демосфен хорошо видел и понимал недостатки афинской демократии», но вопрос об отношении Демосфена к современной ему демократии должен был бы стать стержнем раздела, посвященного политическим взглядам оратора. На стр. 284 подчеркивается, что Демосфен считал возможным восстановление афинской гегемонии, но его «честные стремления... не достигли цели». Объясняется это беспечностью афинян, тем, что они не поняли своей задачи. Но здесь следовало бы в первую очередь сказать о тех социально-экономических процессах, связанных с кризисом полиса, которые облегчили победу Македонии. Ведь именно эти главные причины обусловили и политический утопизм Исократа, как это очень хорошо показано при изложении политических взглядов последнего. В то же время вряд ли можно утверждать, что советы Исократа «практического значения иметь не могли» (стр. 252): он был идеологом македонской партии — основной антидемократической силы в Афинах. Вообще острота политических разногласий в период борьбы с Македонией в изложении очень слажена; в описании поединка между Эсхином и Демосфеном на первый план выступает их соперничество как ораторов, а не то, что они были представителями двух враждебных политических группировок.

В томе освещена деятельность тех ораторов, которые вошли в античный канон, но следовало хотя бы упомянуть и некоторые другие имена, например, таких противников Демосфена, как Филократ и Демад. Нельзя также не пожалеть, что обойдена молчанием литературная судьба Демосфена в последующие времена. Ничего не сказано о разногласиях в науке по такому серьезному вопросу, как обвинение Демосфена во взяточничестве и утайке денег, полученных от Гарпала. Нет ничего и об отношении Демосфена к рабству, не отмечена социальная ограниченность этого вождя афинской демократии.

Несколько слов о литературном стиле и редакции рецензируемой книги. Стиль изложения в томе первенствует. Часть разделов написана живым, образным языком, в других — встречаются длинноты, излишние повторения, тавтологии (нередко на протяжении одного абзаца), тяжеловесность фраз, не всегда хорошие переводы цитируемых источников.

Например, о том, что смерть помешала Фукидиду довести до конца его труд, говорится три раза (стр. 82 и 93); в § 1 главы II дважды (стр. 29—30), независимо от цитирования источников по этому вопросу, констатируется факт переселения Геродота в Фурии, а в § 5 — дважды отмечается, что речи и разговоры Геродота являются вымыслом; одно и то же заявление Геродота цитируется на стр. 55 и 64; на стр. 118 два раза через строку говорится о том, что новелла об Абрадате и Панфее имеет сложную фабулу; на стр. 262, также через строку, повторяется указание на состоятельность отца Демосфена, и т. д.

Нам представляются излишними в ряде случаев чрезмерно педантические уточнения переводов — там, где это касается не дополнения утраченного окончания мысли

и даже не разъяснения ее, а просто синонимических вариантов (например, повторяющиеся по три раза уточнения «красота [изящество]» — стр. 82 и «завистливо [ревниво]» — стр. 50). Сами переводы как прозаических, так и поэтических текстов большей частью очень хорошие, но и здесь встречаются отдельные срывы, как правило, объясняющиеся чрезмерной буквальностью: например, отрывок из Фукидida на стр. 96, где два раза повторяемая частица «то» делает почти невозможным понять фразу. Затрудняет понимание и буквальный перевод при изложении аргументов Антифона (стр. 237): «разве оно (преступление. — С. III.) не могло не остаться неизвестным?».

Книга изобилует опечатками, далеко перешедшими по своему характеру за ту границу, до которой их называют «досадными»: о греческом тексте говорить не приходится — нет почти ни одного случая, когда надстрочные знаки не были бы перепутаны (густое придыхание вместо легкого, тупое ударение вместо острого), или, что еще хуже, — не отсутствовали вовсе. Мало того, страницы книги пестрят опечатками, искажающими имена, географические названия, термины, а иногда и целые фразы. Например, совершенно невозможно осмыслить абзац, где характеризуется теория Целлера; из-за неправильноставленных знаков препинания на стр. 105 получается, что в состоянии раздражения находился не молодой Перикл, а отличавшийся, как всем хорошо известно, полной невозмутимостью в спорах Сократ; несомненно также, что не сам Аристотель переводил слово «поэтика» словом «поэзия», «поэтическое искусство» (см. стр. 210). Из-за неправильноставленных кавычек получается, что киническая школа философов получила свое наименование от слова «гимнасия» (стр. 179). Совершенно искажает смысл известного места из книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» слитное написание «*basilciapatrikē*» вместо «*basileia — patrikē*» (через тире!).

Мы не будем удлинять этот перечень, остановимся еще только на некоторых отдельных допущенных в рецензируемой книге неточностях. К числу явных недосмотров принадлежат неясности в библиографическом материале. Например, в ряде случаев не указываются выходные данные работ, упоминаемых в сносках.

На стр. 202, в разделе «Свод исторических данных и „Дидаскалии“» указывается, что из сочинений Аристотеля о конституциях различных государств сохранилась только «Афинская полития», хотя, кроме того, сохранились фрагменты других «Политий», собранные в издании FHG.

Вряд ли имеет смысл применять при изложении эстетики Аристотеля термин «реалистический» так, как это сделано на стр. 217: может создаться впечатление, что термин этот употреблялся сам древний философ.

На стр. 250 говорится о речи Исократа, носящей название «Об обмене состояниями», на стр. 254 та же речь названа «Об обмене состоянием».

И, наконец, нельзя не отметить, наивность указания (стр. 99), будто «К. Маркс находит, что отдельные высказывания Фукидida, в известной степени, соответствуют его учению о возникновении товаропроизводства и разделения труда». Приводимая вслед за тем цитата из Маркса («Капитал», т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 373) не дает оснований для столь далеко идущих выводов.

Заканчивая рассмотрение II тома рецензируемого издания, отметим следующее: в книге содержится много интересного материала, интересных мыслей и новых, не дававшихся в наших прежних общих курсах сведений, но некоторые разделы требуют расширения, а научный анализ не всегда стоит на уровне современных литературоведческих и историографических требований. Несомненно, что высоковалифицированный авторский коллектив «Истории греческой литературы» имеет полную возможность избежать этих недостатков при подготовке следующего — III тома этого фундаментального труда.